

АЛЕКСАНДР ГИЛЬФЕРДИНГ
Когда Европа
была нашей
История балтийских славян

Александр Федорович Гильфердинг
Когда Европа была нашей.
История балтийских славян
Серия «Древняя Русь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8008572

*Когда Европа была нашей (История балтийских славян): Типография
В. Готье; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-45135-7*

Аннотация

В основу своего исследования А.Ф. Гильфердинг положил противопоставление славянского и германского миров и рассматривал историю полабских славян лишь в неразрывной связи с завоеванием их земель между Лабой и Одрой немецкими феодалами.

Он подчеркивает решающее влияние враждебного немецкого окружения не только на судьбу полабских славян, но и на формирование их "национального характера". Так, изначально добрые и общительные славяне под влиянием внешних обстоятельств стали "чуть ли не воинственнее и свирепее своих противников".

Исследуя вопросы общественной жизни полабских славян, А.Ф. Гильфердинг приходит к выводу о существовании

у них "общинной демократии" в противовес "германской аристократии". Уделяя большое внимание вопросам развития городов и торговли полабских славян, А.Ф. Гильфердинг вновь связывает их с отражением германской агрессии.

Большая часть исследования А.Ф. Гильфердинга посвящена изучению завоевания полабских славян немецкими феодалами и анализу причин их гибели. Он отмечает, что главной причиной гибели и исчезновения полабских славян является их внутренняя неспособность к объединению, отсутствие "единства и жизненной силы, внутреннее разложение, связанное с заимствованием германских обычаев и нравов". Оплакивая трагическую судьбу полабских славян, Гильфердинг пытается просветить и предостеречь все остальные славянские народы от нарастающей германской угрозы.

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	15
Глава V	21
Глава VI	24
Глава VII	25
Глава VIII	28
Глава IX	31
Глава X	33
Глава XI	35
Глава XII	37
Глава XIII	39
Глава XIV	42
Глава XV	44
Глава XVI	47
Глава XVII	52
Глава XVIII	54
Глава XIX	57
Глава XX	60
Глава XXI	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

**Александр Фёдорович
Гильфердинг
Когда Европа была нашей
(История
балтийских славян)**

© Гильфердинг А.Ф., 2010

© ООО «Алгоритм-издат», 2010

© ООО «Издательство Эксмо», 2010

* * *

Часть первая

История балтийских славян до Карла Великого, их быт и верования. Их общие отношения к средневековой Германии

Глава I

Географический обзор

В VIII и IX вв. на Балтийском поморье между Вислой и Эльбой (Лабой) обитали славянские племена. Их было очень много, больших и малых. Основными были: поморяне, ране, лютичи или велеты, гаволяне или стодоряне и бодричи.

Поморяне жили от Вислы до Одры по берегу моря. На востоке они граничили с пруссами, народом литовского поколения, на юге с польскими славянами, своими ближайшими родичами, отделяясь от первых Вислой, от вторых Вартой и Нотецью¹. Река Персанта² делила Поморскую землю на две

¹ Крепости Волын, Чарников и Накло, все три на Нотеци, лежали на границе Поморья.

² Имя это, по-видимому, не славянское, объясняется, однако, из славянского

половины, западную (или переднее Поморье) и восточную (или заднее Поморье). Это деление важно, потому что обе половины Поморья имели в истории различную судьбу³. К западным поморянам принадлежали также волынцы, на знаменитом острове Волыне⁴. На северо-запад от поморян, на большом острове Ране (иначе Руне, Руе, теперь Рюген), обитала славная ветвь славянская, ране или руяне⁵. Между всеми балтийскими славянами они почитались старшим, главным племенем.

На западе от Одры, по берегу моря, против ран, жило храброе и славное племя, по прозванию велеты, или лютичи. Восточную их ветвь, занимавшую побережье р. Укры, составляли укряне. Западная ветвь, по преимуществу величавшаяся именем велетов и лютичей, делилась на четыре союзных колена: ратарей, доленчан, черезпенян и кичан. Они

языка, корнем пръс, прыс, мочить, прыскать, и старинным окончанием причастия ант. Персанта значило бы, собственно, брызжущая.

³ В восточном Поморье с XIII века появляется новая ветвь славянская, также весьма близкая к полякам, кашубы, остатки которых сохранились до сих пор (конец XIX в.) в западном углу между низовьем Вислы и Балтийским морем.

⁴ Я пишу Волын, а не Волин, потому что на ы в этом слове указывают многие похожие названия, как-то Velun, древняя поморская крепость на Нотеци (у есть звук самый близкий к ы), и русская Волянъ.

⁵ Первоначальная форма имени этого острова была, вероятно, Руя или Ругия: на это указывает название древнего народа Rugii. Форма Рана и Ране есть славянская и, без сомнения, сокращена из Руяна, Руяне, как пас, батисе во многих славянских наречиях из пояс, бояться, и т. п.

обитали по берегам р. Пены⁶.

К юго-западу от лютичей располагалась земля Стодорская, по р. Гаволе и Спреве (Шпрее). Она разделена была между несколькими мелкими племенами, из коих только два замечательны в истории: брежане, близ впадения Гаволы в Эльбу (по-славянски Лабу), и стодоряне, по среднему течению Гаволы, где вливается в нее Спрева. Брежан и стодорян называли также общим именем гаволян⁷. На западе Лаба от-

⁶ Нельзя, однако, принять безусловно известия, что только кичане, черепняне, доленчане и ратаре именовались лютичами или велетами: некоторые исследователи и писатели (например, Адам Бременский и Гельмольд) говорят, что велеты (вильцы) отделялись Одрой от поморян, и, значит, причисляют к ним и укрян. Что, также вопреки мнению Адама Бременского, название лютичи было славянское, а не немецкое, доказывается его употреблением у Нестора и у летописцев польских и чешских. Другое имя этого народа представляет две формы: славянскую – велеты (или вельты) и измененную по законам немецкого выговора вильцы.

⁷ В употреблении этих имен: гаволян, стодорян, брежан, у древних писателей много неопределенного и сбивчивого: имя гаволян встречается чаще всего в смысле наиболее общем, но Титмар и Кведлинбургская хроника, по-видимому, отождествляют их с стодорянами. Нам кажется всего вероятнее, на основании свидетельства Гельмольда, принять между множеством мелких славянских племен, обитавших в Бранденбургской стране (к которым и относятся, между прочими, приводимые Адамом Бременским дошане, любушане и волыняне), два главных: брежан и стодорян, с городами Гавельбергом и Бранденбургом, а ко всем им приложить название гаволян, как общее обозначение места их жительства. Вопрос запутывается еще тем, что коренные славянские названия важнейших местностей в этом крае неизвестны; нельзя сказать, что гаволяне было славянское имя, потому что мы не знаем настоящего названия самой реки Гаволы и главного города на ней, Гавельберга. Славянское имя Бранденбурга также темно: переделка его в Бранибор, по созвучию, принятая некоторыми позднейшими писателя-

деляла гаволян от немцев; на юг ветви их простирались до р. Эльстры: их соседями в этой стороне были славянские племена, лабские сербы и лужичане.

На северо-западе от гаволян и лютичей поселилось большое племя бодричей (или аботритов)⁸. Они занимали весь берег Балтийского моря от Рекеницы до Свентины и соприкасались на западе с немцами и датчанами: границей были реки Лаба (Эльба), Бела, верхняя Травна и Свентина. Бодричи также делились на разные ветви: собственно бодричи в тесном смысле, называвшиеся иначе рарогами, занимали только середину этого пространства; на западной границе, между Свентиной, Травной и морем, жили вагры, на юг от них, в углу между Белой и Лабой – полабцы, южнее, между Эльбой и Степеницей – глиняне, на востоке, по р. Варнове – варны. Ваграм принадлежал и остров Фембра.

ми, не опирается ни на каком древнем свидетельстве; гораздо естественнее сохраненное польским преданием название Сгорелец, – буквальный перевод которого представляется в немецком Brennpburg (древнейшая форма), Brandenburg (форма позднейшая); мы его принимаем, как наиболее вероятное, хотя при одном этом свидетельстве нельзя поручиться за совершенную достоверность.

⁸ Формы аботриты, оботриты, абодриты и т. д. немецкие; настоящее славянское название неизвестно. За неимением лучшего, мы принимаем предположение Шафарика, что этот народ собственно именовался бодричам. Оно оправдывается многими местными названиями, и аналогией по значению с другими племенными именами балтийских славян. Настоящая форма была, вероятно, бѣдричи (звук, соответствующий древнему еру, существовал у балтийских славян), и неопределенностью произношения этого эра можно, кажется, объяснить приставку гласной перед б в германских формах.

Глава II

Положение балтийских славян между соседними народами. – Родство с поляками. – Ляшское племя

Соприкасаясь по всей западной границе с народами германского происхождения, датчанами и немцами, балтийские славяне с юга и юго-востока примыкали непосредственно к единокровным славянским племенам, простиравшимся сплошной массой на огромные пространства, за Дунай и Днепр: на юге примыкали они к ветвям сербо-лужицким, за которыми находились чехи; на юго-востоке к полякам. Но ни с теми, ни с другими не было у них прямого и легкого сообщения: сербы и лужичане отрезаны были от славян балтийских непроходимыми песками и болотами и составили племя совершенно от них отдельное, как по языку, так и по историческому развитию. Поляков также разобщали естественные преграды от соседних гаволян и поморян. И теперь еще, между западной частью Польской земли⁹ и бывшей землей Стодорской¹⁰ лежат страшные пески, через которые порядочная дорога невозможна; конечно, в старину было еще хуже, и, действительно, по древним памятникам, между этими

⁹ Познанским герцогством.

¹⁰ Бранденбургией.

странами не видно никакого сообщения. Точно так же и переднее Поморье отделялось от Польши непроходимыми лесами и болотами, простиравшимися, на южной стороне Нотеци, на несколько дней пути, и по которым еще в начале XII века не было дороги. Только в восточное (заднее) Поморье лежал открытый путь из Польши, и оно-то всегда, более или менее, от нее зависело.

Но, несмотря на такое совершенное разобщение балтийских славян от польских (кроме той, до XIII века почти незаметной в истории, части Поморья, которая простиралась за Персантой), между ними было самое близкое, кровное родство. Ветви балтийские и те, которые образовали польский народ, т. е. собственно поляне, мазуры и слензаны (силезны), составляли вместе одно обширное племя ляхов, что подтверждает свидетельство древнейшего русского летописца: «Словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне». Значит, название ляхов было племенное и включало как польских славян, так и ветви балтийские, поморян и лютичей. В другом месте Нестор говорит еще: «Ляхове же, и Пруси, Чюдь приседять к морю Варяжьскому» (т. е. Балтийскому). Собственно поляки, насколько известно, не жили на берегу Балтийского моря; стало быть, под именем ляхов разумеются здесь ближайшие их соплеменники, приморские жители лютичи и поморяне. К последним, действительно, примыкали пруссы, как

и говорит Нестор.

Русская летопись упоминает только, из балтийских славян, о поморянах и лютичах; бодричи и стодоряне, более отдаленные, ей неизвестны. Но язык их восполняет недосказанное Нестором. Остатки его, дошедшие до нас (а их довольно много, если порыться тщательно в древних источниках), показывают очевидно, что все эти народы имели один язык, который являет все признаки польской речи.

Итак, одно племя славянского корня занимало всю пространную равнину на полуденной стороне Балтийского моря, от Западного Буга через Вислу по самую Лабу (Эльбу), доходя на юге до Карпатских гор и истоков Одры. Подобно ляхам, и восточные ветви славянские составляли другое, еще обширнейшее племя, которое населяло всю страну от Новгорода до днепровских порогов, и потом получило название русского народа. В начале истории являются, таким образом, две великие, почти равные, ветви славян, одна на востоке, другая на северо-западе. Но потом одна из них сплотилась крепко в цельный народ и возрастала постоянно; другая же, никогда не достигнув единства и внутренней крепости, постоянно уменьшалась.

Глава III

Имя ляхов и славян

Северо-западные славяне, составлявшие ляшское племя, т. е. ветви польские и балтийские, сами себя никогда не называли ляхами. Видно, они не ощущали себя единым племенем. Ляхами звали их восточные соседи, литва и русские славяне, выражая этим словом местность, в какой они жили. Лях, без сомнения, значило житель низменности, луговой земли. Так, по-литовски *Lenkas* – лях, а *lenke* – луг, низменное место; польское (*lag, leka*) луг, русское (в Архангельской губернии) ляга – лужа и др. относятся к этому же корню.

Не имея племенного названия, ляхи обозначали себя лишь одним самым общим именем всего поколения, славянами, и затем знали только частные прозвища отдельных ветвей, взятые, как и у других славян, большей частью от местности: «прозваша имены своими, где седше на котором месте», говорит Нестор. Таковы имена: поморяне, волынцы, черезпеняне, ране, украине, полабцы, гаволяне, спреване, морачане и мн. др. Только немногие прозвища выражали не место жительства, а свойство ветви.

У одних славянских племен местное прозвище со временем исчезло (например, у русских); у других стало употребляться исключительно. Весьма рано оно стало господству-

ющим у восточной половины ляхов: они составили народ, который, по месту жительства, получил название полян или поляков. Уже с X века начинают реже относить к ним общее имя славяне. Зато ляхи балтийские по преимуществу называли себя славянами, землю свою Славянской; поморяне даже в XIII и XIV вв.¹¹. В XVII столетии еще жило, а может быть, и теперь еще нашлось бы, в Люнебургском крае, несколько крестьян, жалких остатков древан, ветви знаменитых бодричей, и те называли свой исковерканный язык не иначе, как речью славянской.

¹¹ Например, в поморских грамотах того времени.

Глава IV

Имя вендов. – Первые известия о прибалтийских вендах. –

Распространение свевов на Поморье

Западные и северные соседи балтийских славян, народы германские, обозначали их тем же именем, каким и всех вообще славян, т. е. вендами или виндами.

Под этим именем балтийские славяне являются в первых исторических известиях, какие сохранились о них, у греческих и римских писателей: сами греки и римляне, конечно, не имели с балтийскими славянами прямых сношений, и получали о них сведения лишь от соседних народов, преимущественно же от германцев: понятно, что они и прилагали к ним то имя, каким их обозначали германцы. Янтарь, искони добываемый на берегах Балтийского моря и дорого ценившийся древними, направил торговлю на дальний север и обратил на него внимание греков. Уже за несколько веков до Р. Х. имелось у них смутное сказание, что янтарь отыскивается в стране венетов (т. е. без сомнения, венедов или славян). Однако сведения их об этом так темны и перепутаны, что ничего из них нельзя заключить.

Известие о балтийских виндах возобновляется в половине I в. до Р. Х., но в странном, можно сказать, диком ви-

де: Квинт Метелл Целер, бывший (около 58 г. до Р. Х.) проконсулом Галлии, получил – как рассказывает Корнелий Непот, – в подарок от одного германского князя нескольких индов, расспросил об их происхождении и узнал, что они, путешествуя по торговым делам, загнаны были бурей из индийских вод на берег Германии. Очевидно, эти инды были просто винды (славяне), которых занесло из Балтийского моря (оно действительно называлось в древности Венедским) в Немецкое. Видно, что проконсул Целер никогда не слышал о виндах и принял их за индийцев, о которых, без сомнения, читал; ошибка понятная, ибо тогда географы не знали, что из Индии нельзя с востока приплыть в Германию.

Стало быть, в то время были винды на Балтийском побережье. Сто лет спустя, Плиний говорит определеннее, что венеды жили, вместе с другими народами, на восток от Вислы, а на запад от сарматов. У Тацита венеды обитают на огромном пространстве между певками (жившими, сколько известно, близ Черного моря, около Днепра) и финнами, значит, там же, где помещает их Плиний, в землях, лежащих от Вислы на восток.

Однако и тогда славяне, вероятно, простирались гораздо далее на запад, но там, подпавши власти немецких дружин, которые в это время постоянно выходили на чужбину искать добычи и земель, скрылись за своими покорителями от внимания иностранных историков.

Уже в I в. до Р. Х. между немцами резко обозначалось раз-

двоение, которое всегда сопровождало их в истории: уже тогда они делились на собственно германцев (нижних немцев) и свевов (верхних немцев): первые жили ближе к Северному морю, вторые к Дунаю. Собственно германцы имели постоянные жилища и личную поземельную собственность; они отличались большим миролюбием и склонностью к земледельческой жизни; свевы, предпочитавшие пастушеский быт хлебопашеству, во время Цезаря признавали землю общинным владением; ежегодно, на сходке, старшины отводили землю для каждой семьи, и владение ежегодно менялось; не все сидели дома, а ежегодно отправлялось на чужую сторону несколько тысяч вооруженных свевов, за которых остальные работали; и так они чередовались, то работая, то воюя. Они считали похвальным искать себе военной добычи: часто на сходке кто-нибудь из князей говорил, что хочет вести дружину, пусть объявят, кто с ним пойдет, и тотчас находились охотники, и народ хвалил их; а того, кто бы, раз вызвавшись, потом отказался, навсегда корили как беглеца и бесчестного труса. Долго хранили свевы этот быт: 150 лет спустя после Цезаря, Тацит находил у них ту же мену земель, и при нем еще был там во всей силе обычай молодым людям идти за князьями на чужбину, искать счастья.

Не может быть, чтобы постоянный, более полутора века продолжавшийся, выход вооруженных дружин, которые шли воевать вне родины и, конечно, не все возвращались домой, а оставались, где им было выгоднее, не произвел важного пе-

реворота в соседних странах. И действительно, свевское племя, первоначальные жилища которого были в южной Германии, у верхнего Рейна и Дуная, распространилось непомерно на восток и север. На рубеже Р. Х. свевская ветвь, мардоманны (что значит пограничные люди) покорили Богемию. Во время Страбона (в начале первого века) и другие ветви свевов, гермундуры и ланкосарги¹², находились уже на восточном берегу Эльбы, а в конце этого столетия, при Таците, владения свевов от Богемии простирались до Балтийского моря и до самой Вислы. Что эти земли не принадлежали свевам искони, а были завоеваны, и то не целым, выселившимся народом, а бродячими дружинами, которые покорили тамошних славян, на это есть много указаний. Не без основания добросовестный Плиний, при исчислении немецких народов, соединяя в один особенный разряд племена германские, которые занимали Балтийское поморье (сургундов, варнов, каринов и гутонов), обозначает их всех именем виндилов (иначе вандалов, вандаликов). Этим именем германцы на Балтийском поморье были прозваны, очевидно, потому, что жили на Виндской земле, между виндским населением. Потом имя виндилов или вандалов присвоено было по преимуществу одной из прибалтийских ветвей свевов, родственной бургундам и готам, которая прославила его в истории. Но во все продолжение средних веков хранилось предание о каком-то родстве вандалов со славянами, и это на-

¹² Вероятно, вместо ланкосарги у Страбона следует читать лангобарды.

звание принималось часто в смысле вендов или славян.

На север от гор, окаймляющих Богемию, древние писатели помещают обширный народ лугиев, делившийся на разные колена. И лугии были, без сомнения, немцы, поселившиеся на Славянской земле; это имя объясняется не иначе, как из славянского языка (жители лугов, то же, что ляхи), да к тому же на древней римской карте прямо поставлены друг подле друга лугии-сарматы и венды-сарматы: сарматами же римляне называли все вообще негерманские народы в восточной Европе. То же, что о лугиях, можно сказать и о варнах или варилах, которых древние писатели, Тацит и др., помещают между прибалтийскими германцами; и это имя находит объяснение только в славянском языке, именно поговору славян балтийских, где варн произносилось вместо вран, ворон. Одна из ветвей балтийских славян называлась также варнами, и река Варнова сохраняет до сих пор о них память. Не может быть, кажется, сомнения, что варны Тацита была германская дружина, которая, овладев землей настоящих, славянских варнов, прозвалась по имени покоренного ею народа.

Подле лугиев, на севере от Богемии, Страбон перечисляет следующие племена: колдуев, зумов, бутонов, мугилонов, сибинов и семнонов. Из них семноны составляли знаменитую ветвь свевов, первоначальные жилища которой были близ верхнего Рейна: вот как далеко заходили в то время свевские дружины; бутоны, кажется, описка вместо гудо-

ны¹³, которые, действительно, славились между прибалтийскими немцами; имена колдуев и мугилонов явно славянские, и сохранились до позднейших времен в названии коледичей (ветви лабских сербов), и Могильна (города лужичан); наконец, и название зумов не соответствует ли прилабской ветви стодорян, земчицам, и сибини не искажение ли слова сирбины, т. е. сербы?

¹³ То же, что готы.

Глава V

Образ жизни германских дружин на Балтийском поморье

Но яснее и убедительнее запутанных и искаженных названий, сам образ жизни и быт прибалтийских германцев показывает, что они не были постоянными жителями тех мест, а завладели ими силой. Совершенно отличались они образом жизни от тех германцев, которые обитали на коренной Немецкой земле, между Рейном, Эльбой и Дунаем. Здесь, на своих землях, немцы были оседлы и никогда не передвигались всем народом с места на место, несмотря ни на какие перевороты¹⁴: где Тацит находил фризов, хаттов (ныне хессы), свевов (ныне швабы), там они жили при Карле Великом и живут еще теперь; иногда только менялось название, но народ оставался один и тот же: так, восточная часть свевов стала именоваться баварцами, а западная долго была известна под именем алеманнов; так хавки, хамавы, ангриварии и другие северные немцы уже в III в. соединились под общим именем саксов, получившим в следующие века громкую славу.

Таким образом, вся собственно Германия, принадлежав-

¹⁴ У свевов члены общин, как мы видели, менялись землями, но в совокупности свевский народ имел постоянные жилища.

шая немцам искони, была населена народами оседлыми, которые дорожили землей, ими вспаханной, и не оставляли ее никогда. Совершенно противоположна оседлому быту коренных германцев жизнь тех племен немецких, которые поселились на восток от Лабы; то были народы бродячие. Вечно находились они в походе и передвижении. В I веке лугии жили на Балтийском поморье, в начале II века часть их была уже на нижнем Дунае; во II веке вандалы там же сражались с римлянами, а в III веке толпы вандалов и лугиев воевали на Рейне. Потом вандалы ходили, как известно, по Галлии, Испании, Африке; эта свирепая дружина с Балтийского поморья оставила свое имя прекрасной области в южной Испании. И говорить нечего о знаменитых переселениях готов, гепидов, ругов, бургундов и др. Такая бродячая жизнь, такие быстрые передвижения в дальние походы невозможны для целого народа; они возможны только для кочевников, или для военной дружины. Кочевниками, какими являются в древности сарматы, а теперь еще киргизы, германцы никогда не были, сколько знает их история. Потому все эти прибалтийские немцы, лугии, вандалы, готы, бургунды, руги и т. д., составляли, без сомнения, военные дружины. Образуюсь, как описывают Цезарь и Тацит, в коренных немецких землях, иные, вероятно, и в Скандинавии, из молодых людей, которым не нравилась домашняя жизнь и полевая работа, они выходили, видно, мало-помалу в соседние области вендов (славян), подчиняли себе туземцев и жили между ни-

ми пришельцами и господами; не дорожа землей, они охотно ее покидали и шли налегке всюду, где можно было пожить.

Глава VI

Дружина готская

Между этими прибалтийскими германцами знатнейшие и славнейшие были готы. О готах мы знаем подробнее, нежели о других, подобных им, немецких ветвях, потому что собственные их предания об их старинных подвигах сохранились, и здесь-то с особенной ясностью проявляются в готах все свойства дружины. Хорошо помнили они, что не жили первоначально на Балтийском поморье, а прибыли туда из-за моря, из Скандинавии; готское предание именно рассказывало, что они из древней своей родины выселились на трех кораблях. Замечательно такое сказание о малом числе их, при появлении на Поморье: народ бывает многочислен, а дружина состоит из малого числа удальцов, и только дружина могла пуститься в далекое переселение на трех кораблях.

Переплывши море, так говорит далее готское предание, они пристали к земле улмеругов, победили их и прогнали, а потом покорили и соседей их, вандалов. Нельзя по этому преданию догадаться, жили ли улмеруги на острове Ругии (Рюген), или на материке, и покоренные готами вандалы настоящие ли (немецкие) вандалы, или венды т. е. славяне; как бы то ни было, все же готы помнили, что прибыв на Балтийское поморье, заняли там свои жилища силой.

Глава VII

Гражданское устройство германских дружин на Балтийском поморье

Такое же различие, какое заметно в образе жизни, было и в гражданском устройстве коренных, оседлых германских племен и тех пришельцев, которые водворялись на Балтийском поморье.

Во времена Цезаря и Тацита, первые еще не имели настоящей государственной власти, и жили по преимуществу общинами, связанными семейным союзом. У них, правда, и тогда уже проглядывал аристократический дух, отличительное свойство германского племени: и тогда уже, среди народа, не имевшего ни городов, ни даже деревень, а жившего в дрянных избушках, выстроенных врозь, где попало, не раз выбирался в старшины и предводители войска неопытный юноша по заслугам отца или по знатности рода, и лишь потомкам знатных родов был доступен почетный сан королевский. Но еще не образовалось ни настоящей аристократии, ни постоянной власти. Только маловажные дела предоставлялись суду старшин, назначавшихся народом; важные решались на общей сходке; вообще, власть старшин (князей) и королей была самая незначительная.

Но когда какой-нибудь знатный юноша, удалой и богатый,

вызывал охотников быть ему товарищами и идти воевать на чужбину, и составлялась дружина, то отношения переменялись: между князем и дружиной тотчас возникал неразрывный союз, на жизнь и на смерть; священным долгом дружинника было защитить князя и стоять с ним заодно; он терял личную самостоятельность и сражался уже не за себя, а за своего князя, а князь тем самым принимал на себя обязанность вести дружину к победе: он должен был подавать пример храбрости, дружина – не отставать. Пережить князя, павшего в битве, было для дружинника посрамлением на весь век. Разумеется, этот обоюдный союз, это подчинение дружины князю и нравственная ответственность князя за дружину, увеличивались еще более, когда они воевали далеко от родины, подвергаясь непрерывно опасности. Тут еще необходимее становилось единство крепкой власти, и оно непременно являлось. И действительно, тот самый Тацит, который рассказывает о незначительности княжеской власти в Германии, говорит совершенно противное о тех германских племенах, которые жили на Балтийском поморье; именно, он свидетельствует, что «готы строже, нежели другие германцы, подчинены были власти», и что «ругии и лемовии и все вообще тамошние германские народы отличались своей покорностью королям».

Такое преобладание крепкой власти у прибалтийских германцев в то время, когда вся Германия еще жила независимыми семьями, указывает, кажется, прямо на господство у

них дружинного устройства.

При всех этих свидетельствах имен, образа жизни и быта, мы можем с почти полной уверенностью признать, что германские племена на Балтийском поморье были пришлые дружины, покорившие там древних жителей, вендов, т. е. славян.

Таким образом, движение беспокойных сил в коренной Германии, особенно между свевами, а также в Скандинавии, впервые перенесло историческую деятельность на Балтийское поморье и в незапамятное время привело тамошних вендов (славян) в зависимость от военных германских дружин.

Глава VIII

Движение славян в Придунайских землях

Но пока эти дружины, лугии, вандалы, руги, готы, бургунды и проч., господствовали на Вендском поморье, южные соплеменники подвластных им славян со своей стороны зашевелились, и их движение отдалось и здесь. Вот что об этом говорит древняя русская летопись: «По мнозех же времянех сели суть Словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска... Волхом (иначе «Волохом»)... нашедшем на Словени на Дунайския, седшем в них и насилящем им, Словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне». Кто такие были волхи или волохи, прогнавшие славян из Дунайской страны, объясняет та же летопись. Рассказывая о покорении этой страны венграми (в конце IX века), она говорит, что венгры, пришедши с востока, устремились «через горы великия» (в нынешней Седмиградии) и начали воевать с волхами и славянами, которые тут жили; «седяшу бо ту преже Словени, а Вольхве (иначе «Волохове») прияша землю Словеньску; по сем же Угри прогнаша Вольхи и наследидша землю и седоша с Словени...». Следовательно, Нестор под именем вол-

хов разумеет валахов, которые именно, вместе со славянами, обитали в Дунайской стране при нашествии венгров, были ими частью изгнаны, частью покорены, и удержались в тех местах и поныне. А эти валахи – потомки римлян, которые при Траяне завоевали Дакию и поселились в ней военными колониями. В самом деле, волохи, валахи, и т. п. есть общее название, которым многие славянские народы и немцы обозначают и теперь еще итальянцев.

Нельзя, однако же, принимать Несторова известия в буквальном смысле, будто славяне, уходя из Дакии от Траяновых войск, пришли и заселили Балтийское поморье: неверность сказания тем яснее, что Нестор оттуда выводит не одних ляхов, но и всех русских славян. Даже если бы целая Дакия принадлежала славянам (а в ней были народы и не славянские), то и тогда из нее не могли бы выйти все славянские племена, расселившиеся от Карпатских гор и Эльбы до Финского залива и Волги. К тому же переход целого народа из нынешней Венгрии на Балтийское поморье, прямо через Карпатские горы, весьма маловероятен.

Но и совершенно отвергать этого сказания также нельзя: оно все проникнуто каким-то правдивым духом старины; к тому же значение Траяна в судьбе славян доказывается преданием, которое столько веков о нем хранила народная память южной Руси.

Слова Киевской летописи, вероятно, заключают в себе воспоминание о том, что славяне, теснимые на Дунае римля-

нами, пришли в движение и стали повсюду распространяться и усиливаться, и в земле Ляшской, на Балтийском поморье, и в восточных странах, где потом возникла Русь.

Глава IX

Усиление славян на Балтийском поморье во II в.

Действительно, во II веке по Р. Х., вскоре после Траяна, германцы начинают уходить с Балтийского поморья, и на их место выступают племена славянские. В начале царствования Траяна, когда писал Тацит о Германии, готы жили на Поморье; во II веке они отправились на восток и потом, повернув на юго-восток, в конце этого века находились уже на Черном море. О странствии их по Скифии подробно говорит Иордан, но, рассказывая по их народным песням и преданиям, разумеется, не подозревает, чтобы усиление враждебных народов, а не добрая воля, побудило их покинуть Балтийскую страну.

Вслед за готами удалились и другие немецкие дружины, лугии, вандалы, бургунды, руги и пр., кто на юго-восток, к Черному морю, кто через Богемию к Дунаю, некоторые даже в собственно Германию, к Рейну.

Вместе с тем все более и более усиливались славяне на Балтийском поморье. В последней половине II века, когда Птолемей составлял свою знаменитую географию, балтийские веныды совсем уже не то, что при Таците. Тацит помещает их за Вислой, как-то совершенно в тени за германски-

ми народами. У Птолемея Балтийское море, или, по крайней мере, южная часть его, называется Венедским заливом; венеды являются у него в числе великих народов Сарматии и живут по всему Венедскому заливу; о готах, которые при Таците находились в соседстве лугиев, значит, далеко на западе от Вислы, Птолемей говорит вот что: «Меньшие народы, населяющие Сарматию, суть: готы, близ реки Вислы, под венедскими, а за ними финны и т. д.». Стало быть, со времени Тацита их отодвинули уже далеко на восток. Варины, при Таците жившие в самой западной части Балтийского поморья, в соседстве с лангобардами и англами, помещаются Птолемеем близ истоков Вислы. Наконец, у него являются на Балтийском поморье уже и племена с чисто славянскими названиями: поляне, пеняне, вельты. Наиболее определенно говорит он о вельтах и отводит им жилища на южном берегу Балтийского моря, на запад от племен литовских (осиев, т. е. литвы, и карвонов и кареотов, т. е. куронов или корси, жителей нын. Курляндии). Таким образом, уже во II в. славянское племя велетов (которые иначе прозывались лютичами) обитало на Балтийском поморье, там же почти, где оно потом славно подвизалось и храбро погибло 1000 лет спустя: может быть только, оно с течением времени несколько подвинулось на запад.

Глава X

Указание Иордана на прибалтийских славян во II веке

Есть другое, восходящее до этого же времени, хотя записанное позже, известие о пребывании во II в. славянских народов на Балтийском поморье. Иордан, писавший древнюю историю готов по их песням и сказаниям, исчисляет в одном месте народы, которые жили в соседстве с готами. Только он, вероятно, не поняв в точности готского предания, заключавшего такое исчисление, а может быть, имея и предание, уже искаженное от времени, перенес все эти народы в ту страну, откуда готы первоначально вышли, в Скандинавию. Таким образом, Скандинавия, в которой, сколько известно, никогда не было много разных народов, у него наполнилась бесчисленным их множеством. Но он приводит между ними такие названия, по которым тотчас можно заключить, что это исчисление обнимает не одну Скандинавию, но и все земли около Балтийского моря. Так, упоминаются, между соседями готов, будто бы населявшими Скандинавию, датчане, жители Борнгольма, Голландии, Ютландии, благородные руги, финны. Вместе с этими прибалтийскими народами Иордан перенес туда и прибалтийских славян: вагров, виндо-велетов и лютичей. «Эвагеры, он говорит, сме-

шанные с отингами» (т. е. ютами): славянские вагры действительно жили с ютами в соседстве и непрерывном столкновении. О лютичах Иордан также выражается весьма справедливо, что они обитали в местах равнинных и плодородных, и поэтому подвергались вторжениям других племен: картина не совсем верная в отношении к Скандинавии, но соответствующая именно Балтийскому поморью. Притом нельзя не заметить, что исчисление Иордана почерпнуто из двух сказаний, соединенных в одно, так что два раза приводятся названия одних и тех же народов: шведов и финнов. Этим объясняется, что он упоминает два раза также об одном и том же славянском народе под двумя разными названиями: велетов и лютичей.

Так как в конце II в. по Р. Х. готы жили уже далеко от прежних своих мест на Балтийском поморье, и в начале III в. были на Черном море, то не может быть сомнения, что их сказания о прибалтийских народах изображали положение того края не позже II в., и готское предание о ваграх, виндо-велетах и лютичах подтверждает и дополняет слова Птолемея о венетах и велетах.

Глава XI

Дальнейшее движение славян. — Готское царство Эрманарика

В III в. славяне все напирали на немецкие дружины и гнали их с Балтийского моря во все стороны, и на восток, и к Римской границе. Страшно потрясали угасавшую в то время Римскую империю все эти немцы, которые, как говорит Юлий Капитолин, бежали от верхних варваров, т. е. от народов, давивших на них с севера и востока. Между тем, готы, бродя по Скифии, покорили себе племена, которые позже составили Русское государство. Замечательно, что тогда на Днестре произошло то же самое, что прежде было на Балтийском поморье. Как там лугии и вандалы были немецкие дружины, которые получили свои названия от подвластных славян, так и на Днестре готы, поселившись между полянами и древлянами, прозвались, по своим подданным, грютунгами, от *griot* песок, песчаное место, и тервингами, от *triu* дерево. Вот как легко дробились немецкие дружины на чужой земле и, подчиняясь влиянию покоренных славян, даже отступали от коренного германского обычая, не допуская народного названий по месту жительства.

Власть готов на востоке быстро росла. Король Эрманарик покорил себе огромное пространство земель, властвовал над

чудью, Новгородом, мерей, мордвой и др., воевал со славянами и покорил их. Иордан говорит об этом следующее: «Разбив эрулов, Эрманарик поднял оружие на венетов, которые, неопытные в военном деле, но сильные числом, сначала было сопротивлялись. Но ни к чему не служит на войне многочисленность, особенно против Божьей помощи и хорошо вооруженного войска. Эти Венеты... происходя от одного корня, теперь разделены на три ветви, именно на Венетов, Антов и Славян, и хотя они теперь, за грехи наши, везде свирепствуют, однако тогда все повиновались власти Эрманарика».

Таково сказание Иордана о великом готском короле. Трудно только по нему судить, покорены ли были Эрманариком и ляшские славяне в Балтийской стране, или одни только русские, и с какими именно славянами он вел войну.

Глава XII

Освобождение Балтийского поморья от немецких дружин Аттилой

Но гунны разрушили царство Эрманариково, и явился на земле бич небесный, в кару германским дружинам, попиравшим другие народы. Какое бы ни было происхождение гуннов и откуда бы они ни вышли, но во всяком случае очевидно, что они действовали в союзе со славянами и имели в виду истребить дружины, которые так долго угнетали славян и на Балтийском поморье, и дальше на восток. Аттила, когда вел свое страшное войско в Галлию, говорил, что идет только для того, чтобы настичь и погубить одну из этих дружин, вестготов, которые убежали от гуннов к римлянам и поселились за Луарой. Добровольно подчинились ему славянские племена, между прочими, вероятно, и балтийские, силой покорил он германцев. Великие у него были замыслы: соединить в одно государство всю независимую от римлян Европу и ею сломить силу Римской империи. Когда он умер, государство его распалось в прах; но одно дело исполнил он до конца, и оно пережило его век: он окончательно изгнал немецкие дружины, которые властвовали в восточной Европе, и освободил от чужих народов славянские земли. После его смерти не было ни одного немецкого племени

на всем Балтийском поморье до самых Карпатских гор, и во всей стране, которая потом назвалась Русью. Готы, гепиды, вандалы, бургунды, лангобарды, руги, все эти храбрые дружинники, скрылись перед грозой в далекие страны, или сосредоточены были под властью гуннов в опустевшей Дакии и Паннонии. Балтийское поморье было очищено для деятельности славян.

Глава XIII

Остатки германских пришельцев на Балтийском поморье. – Известие о видивариях

Но многовековое подчинение Поморья и тамошних славян германцам, постоянное пребывание в этой земле, в продолжение длительного времени, чужих дружин, приходивших туда отовсюду, и, наконец, самая борьба с ними и их истребление, все это не могло не иметь сильного воздействия на балтийских славян, на их нравы, устройство и быт: они должны были непременно, ранее и более всех других славянских народов, подвергнуться чужому влиянию. В самом деле, Иордан рассказывает, что видиварии, занявшие, близ устьев Вислы, места, покинутые гепидами, были смесью разных племен, из которых составился один народ. Видиварии есть древняя германская, в особенности скандинавская, форма имени виндов или славян: *Vindvarii* значит житель Виндской земли, точно так же как *Voiovarii* – жители Бойской земли, *Santvarii* жители Кента и т. п.; производное отсюда слово *Vindverskr* часто употребляется в древних скандинавских памятниках и значит: виндский, славянский.

Стало быть, видиварии, заступившие место гепидов, когда те удалились (в III в.) с Балтийского моря к Черному

(а вернее, заставившие их удалиться) были славяне. Говоря, что видиварии живут близ устьев Вислы, Иордан тут же рассказывает, что восточными соседями их были эсты, а эстами германцы называли в древности народы литовского племени, по преимуществу прусов: из всего этого можно заключить, что под именем видивариев разумелись собственно поморяне.

Конечно, известие, что эти видиварии составились из сброда разных племен, преувеличено; но оно имеет, бесспорно, некоторое основание. Прожив несколько столетий под властью разнородных дружинников, немцев и скандинавов, балтийские славяне не могли с ними не смешаться; притом же нельзя предполагать, чтобы при освобождении славян, начавшемся во II в. и оконченном только Атиллой, все эти пришельцы были до последнего изгнаны или истреблены; естественно, многие из них, обосновавшись в Славянской земле, остались там навсегда и слились с преобладающим народом. Наконец, вероятно и то, что в восточной части Поморья, ближе к Висле, славяне приняли также небольшую примесь литовского племени.

Вот почему Иордан и мог назвать поморских славян-видивариев смесью разных народов, и вот в каком смысле понятно его сказание.

Слова Иордана о видивариях имеют особенно важное значение: в них слышно ясное и достоверное свидетельство современника, что славяне на Балтийском поморье были про-

никнуты чужими влияниями и примесью чужих народов уже с той самой поры, как они, избавившись от германских дружин, начали жить жизнью независимой.

Глава XIV

Известие о прибалтийских славянах в VI в.

Об этих поморских славянах конца VI в. сохранилось любопытное известие. Византийские летописцы рассказывают, что в 590 г. привели к императору Маврикию, собиравшемуся выступить из Фракии в поход против аваров, трех пленников, безоружных, с одними лишь гусями; они были родом славяне, обитали у предела западного Океана (очевидно, Балтийского моря); к их князьям аварский хан прислал посольство с дарами и просил помощи против греков; князья отправили их к нему послами, извиниться, что по дальности и трудности пути не могут оказать ему этой помощи; в дороге они провели 15 месяцев, были задержаны ханом, который не хотел отпустить их на родину, и, наконец, бежали к грекам; ходят же они с гусями, потому что не владеют оружием, так как их земля не производит железа.

Это свидетельство чрезвычайно важно (в истине его сомневаться нельзя, потому что славянские послы имели с греками прямые сношения и даже отправлены были на житье в греческий город Ираклию, а их показания были внесены в летопись современником). Из него мы видим, что славянское поморье в VI в. было независимо, находилось под управле-

нием своих князей, и что оно еще хранило связь с отдаленной Дакией, где жили авары: не была ли эта связь остатком того древнего общения между Дунайской страной и Балтийской, которое должно было существовать, когда Аттила из дунайской своей столичной деревни повелевал северными германцами и славянами? Во всяком случае, приведенный рассказ византийских историков свидетельствует, что поморские славяне, несмотря на безоружность их послов и отсутствие в их земле железных руд, уже в VI в. были народом сильным и воинственным: иначе с какой стати было бы аварскому хану звать их в такую даль на помощь против греков? Послы же, вероятно, были люди вещие, какие-нибудь жрецы или кудесники, и потому шли не с оружием в руках, а с гусями.

Глава XV

Утверждение славян на правом берегу Лабы. – Поход герулов. – Власть германцев на нижней Лабе

Власть Аттилы дала славянам решительный перевес в восточной Европе. После грозы, которую он поднял на германцев, их притеснителей, славяне распространились далеко на запад. Чехи заняли Богемию, сербы заселили страну за Лабой (Эльбой) до Салы. Балтийские славяне, ветви бодричей и стодорян, тогда же, без сомнения, окончательно утвердились по правому берегу Лабы, которая с тех пор стала их постоянной, твердой границей. Те из прежних германских дружин, которые не ушли с Балтийского поморья на восток или в Римскую империю, были отодвинуты далеко на запад. Так, варны, которых Тацит помещал на восток от лонгобардов и англов, где-нибудь между Лабой и Одрой, а Птолемей еще далее, на Висле, в VI в. жили не у Балтийского моря, а у Немецкого, гранича с англами на востоке, а на запад простираясь до франков (значит, в нынешней западной Голштинии и далее, по берегу моря). Варны были тогда непосредственными соседями славян, передовым отрядом германцев в этой стороне. Между обоими племенами легла границей широкая полоса пустынной земли. Так бывало в старину да-

же между отдельными немецкими народами; они гордились и хвастались пространством окружавшей их пустыни: чем она была шире, тем более, значит, боялись их соседи. Мало-помалу, однако, немецкие народы сблизились между собой общением и возраставшей потребностью в землях, и пустынные границы, их разделявшие, заселились. У славян же, людей нрава более общительного, никогда, сколько известно, не было подобного обычая. И только между двумя великими соперничавшими племенами, германским и славянским, лежала широкая пустыня; как будто они, после нашествия гуннов, приведшего современную Европу к равновесию и указавшего германцам свои жилища и славянам свою землю, боялись соседства и столкновения.

Рассказ историка Прокопия указывает приблизительно на место, где находился этот безлюдный край, разделявший германцев от славян. «Герулы, говорит он, разбитые лонгобардами (в нынешней северо-западной Венгрии), частью поселились в Иллирии, частью же, не захотев переходить Дуная, удалились к крайним пределам вселенной. Под предводительством многих начальников из царского рода, они прошли через все по очереди славянские народы (встававшие у них на пути), а за ними через обширную пустыню, и достигли до так называемых варнов. За варнами прошли они народы данов (датчан), не терпя никакой обиды от тамошних варваров. Затем, достигнув Океана, они сели в корабли, приплыли на остров Туле (Норвегию или Скандинавию, которую древ-

ние считали островом) и там остались».

Стало быть, славяне в VI в. не овладели всем течением Лабы до ее устья, потому что по дороге от них к датчанам (идя с юго-востока, как шли герулы), надобно было встретить немецкое племя варнов. Действительно, на нижней Лаббе немцы стояли крепко: они жили здесь не бродячей дружиной, а оседлым народом. Эта Немецкая земля за Лабой, граничившая со славянами и датчанами¹⁵ (западная половина нынешней Голштинии с Гамбургом), называлась Нордалбингией; жители ее принадлежали к великой германской ветви саксов.

¹⁵ Мы распространяем на ютов и англов, жителей нын. Ютландии и Шлезвига, название датчан, потому что они рано утратили свою независимость и составили с датчанами одно политическое целое; собственно же юты и англы принадлежали, вместе с саксами и фризами, к нижненемецким народам, а настоящие датчане, ветвь скандинавского племени, занимали только Датские острова (Зеландию, Фионию и проч.).

Глава XVI

Причины борьбы в Нордалбингии. – Запустение на границе славян и саксов

Даже во время христианства и большего просвещения и кротости между людьми, народы редко бывали дружественно расположены к своим соседям; а в те века, когда язычник, поклонявшийся богам воинственным, считал войну им угодной и грабеж делом правым, не могло не быть нескончаемой вражды между разноплеменными соседями. Но там горела эта вражда еще сильнее и упорнее, где народы не разделялись друг от друга резкими, естественными преградами, где был открытый доступ в жилища соседа. Так было в Нордалбингии, этом узком пространстве земли между устьем Лабы и Балтийским морем. Какая-то роковая сила не допускала, чтобы балтийским славянам достался весь берег Лабы до ее впадения в море: видно, так угодно было судьбе, чтобы их история прошла не в мирном развитии, а в борьбе и насилии. Где Лаба отделяла их от немцев, там был мир, и только когда Германия, сделавшись государством, стала стремиться к распространению своих границ, эта широкая река была перейдена и мир нарушен. Но в Нордалбингии, где между жилищами немцев, датчан и славян, которые тут сходились, не

было другой границы, как лес или речка, славяне не знали и часа спокойного. Война была для обеих сторон необходима. Славян естественно стремилась все далее на запад, занять весь берег Лабы, течение которой было для них как бы указанной гранью. Для саксов, тут обитавших, дело шло о сохранении своих домов и полей. Притом же с самого начала точно такое же сознание политической необходимости побуждало немцев отстаивать всеми силами этот угол земли за Лабой, владея которым славяне основались бы на Немецком море и окончательно бы отрезали их от Балтийской страны и сообщения с Данией.

Зато какое было разорение по всей пограничной черте, где соприкасались вагры, передовое славянское племя на западе, с немцами и датчанами! Мы видели в рассказе Прокония о бегстве герулов, что и тогда уже (в VI в.) тут лежала пустыня между германцами и славянами; и так этот край оставался в запустении до исхода XII столетия, т. е. до того времени, когда борьба славян с германцами в Нордалбингии пришла к концу совершенным истреблением славян. В XI в. Адам Бременский описывает дремучий лес, ограничивавший с севера и запада землю вагров, «глубокий лес язычников», как он его называет: лес этот шел от истоков Эгдоры (на запад от Плунского озера) вдоль берега моря до Шлеи, а на юг простирался до Травны. В старину же здесь, на месте лесной чащи, были жилища людей. «Во время Оттона I, рассказывает Гельмольд, Шлезвиг с прилегающей страной,

которая идет от Шлейского лимана до р. Эгдоры, принадлежал Римской империи: земля эта, обширная и плодородная, была вся почти пустынна, потому что, находясь между Океаном и Балтийским морем, разорялась частыми набегами разбойников. Когда же, милостью Божиею и доблестью великого Оттона, был здесь водворен всеобщий мир, то начали заселяться пустынные места Вагрии и Шлезвигской страны, и не оставалось уже ни единого угла земли, в котором бы не было городов, сел, и даже монастырей. До сих пор, продолжает он, есть многие следы этого заселения, особенно в лесу, который от города Лютиленбурга тянется на огромные пространства до Шлезвига, и где, в глуши глубочайшего запустения, в местах едва проходимых, между огромными деревьями, замечаются рвы, некогда разделявшие пашни, видны бывают очертания городов, по устройству оставшихся валов; а плотины в речках, служившие для остановки вод при мельницах, показывают, что этот лес был некогда заселен саксами». Свидетельство весьма замечательное; но очевидно, что древнее заселение этого края не могло принадлежать, как думает Гельмольд, ко времени Оттона; сам он говорит, что до Оттона I земля Шлезвигская и предел Вагрский были пустыней, вследствие беспрестанного разорения, и что после Оттона II они опять совершенно запустели: невозможно, чтобы такая обширная полоса земли вдруг заселилась и наполнилась городами и селами в течение 28-летнего в ней владычества саксонских императоров (955–983), не говоря уже

о том, что с тех пор она не могла бы опять вся зарости тем дремучим лесом, какой покрывал ее при Адаме Бременском (во второй половине XI в.). Ясно, что следы давнего заселения этой страны, какие видел Гельмольд, относятся к поре гораздо древнейшей. Такое заселение могло быть только тогда, когда германцы властвовали над поморскими славянами, и когда, следовательно, Нордалбингия не была их спорным пределом, постоянным поприщем их борьбы; действительно, там, где потом лежала пустыня, древние писатели помещают англов, варнов и др. германцев; но в V в. англы и варны удалились, славяне освободились от германских дружин, и, верно, уже тогда начался в Нордалбингии бой между славянами и немцами; с этого-то времени, без сомнения, — еще до прохода герулов, — и запустел пограничный их край, и на семь веков водворилась в нем безлюдная глушь, где в древности процветали села, возделывались поля, работали мельницы.

«Война питает войну», эта истина, искони справедливая на земле, оправдалась и на балтийских славянах. Были, мы знаем, многие естественные причины, которые вели к войне славян и саксов в Нордалбингии; но эта война, вынужденная обстоятельствами, наконец так сроднилась с их нравом и бытом, что по необходимости стала для них склонностью и забавой. Вот слова немецкого летописца, всегда более или менее пристрастного к своим соотечественникам. «Нордалбингцы (т. е. немцы в Нордалбингии) делятся на три племе-

ни: стурмаров, голзатов (голштинцев) и дитмарсов; они мало разнятся между собой образом жизни и языком, держат законы саксов и именуются христианами, но по соседству с варварами (т. е. славянами), привыкли предаваться грабежу и разбою. Они гостеприимны. Грабежом и щедростью – вот чем хвастают голзаты; кто не умеет ходить на разбой, тот считается у них человеком глупым и бесславным». Не иначе подействовала война и на смежных с нордалбингцами славянских вагров. Послушаем того же рассказчика: «Город Альденбург, тот самый, который по-славянски называется Старыгард, т. е. старый город, лежит в стране Вагров, на западном берегу Балтийского моря, и составляет крайний предел Славии (т. е. Славянской земли). Этот город и вся страна Вагрская в старину населены были самыми храбрыми людьми, потому что, стоя впереди всех Славянских народов и гранича с Датчанами и Саксами, Вагры всегда первые и направляли военное движение на соседей, и принимали на себя их удары». Вот какое влияние имели местные обстоятельства на славян и саксов, живших друг подле друга в Нордалбингии, и как они приобрели наследственную склонность к войне.

Глава XVII

Столкновения балтийских славян с датчанами

С другой стороны, беспрестанно сталкивались славяне в Нордалбингии с датчанами. Не только соприкасались они непосредственно жилищами, но непрерывно встречались на море в бесчисленных заливах, проливах и гаванях Балтийского моря. Владея огромным протяжением берега и разными островами, большими и малыми, те и другие самим положением своим были предназначены к мореходству. Свыкшись по необходимости с волнами и бурями, они получили к морю и отважному плаванию какую-то особенную охоту. Уже с древнейшего времени Датский материк и острова беспрерывно высылали на море удальцов-викингов (морских витязей, т. е. пиратов) или королей морских. То были дружины, составлявшиеся, как и сухопутные дружины древней Германии, из буйной молодежи, которой не сиделось дома и которая собиралась около витязя познатнее и побогаче, способного снарядить корабль, и шла за ним всюду на бой и добычу. Эти морские разбойники (понятие разбойника в те века не имело в себе ничего позорного), ходили по всему Балтийскому морю, приставали враспloh к прибрежным жилищам и грабили, что попадалось им под руку, в случае нуж-

ды храбро защищая оружием захваченное добро. Мало значения имела у датчан торговля, как вообще в древнее время у всех германских народов. Славяне же балтийские ходили по морю и торговцами, и разбойниками. Их морская торговля славилась повсюду и достигла огромного развития. Но и они не отставали от датчан подвигами морского удальства, и только не доставало их витязям сказаний, подобных скандинавским, чтобы стать знаменитыми в потомстве. Главными убежищами этих славянских витязей были два острова, – Фембра, принадлежавшая ваграм, и Рана; но, кроме того, они гнездились и по всему юго-западному берегу Балтийского моря, датскому и славянскому. В X в. у них были убежища даже на берегу Скании (южной оконечности Швеции); в XII в. они имели приют у вагров, в стране Сусельской; «послали туда священника, говорит Гельмольд, и он пришел в вертеп разбойничий, к Славянам, которые обитают у реки Кремпины; тут был привычный притон морских разбойников», – но не известно, с какого времени.

Таким образом, не только как соседи на твердой земле, но и как мореплаватели, торговцы и разбойники, балтийские славяне должны были беспрестанно сталкиваться с датчанами: как торговцы – потому что те их грабили, как морские разбойники – потому что люди из двух разных, часто враждебных, народов, ходившие на одинаковый промысел и в одних и тех же местах, встречаясь, едва ли спускали друг другу.

Глава XVIII

Морские разбои балтийских славян

Изо всех балтийских племен, вагры, передовые бойцы на суше против немцев, были первыми удалцами и на море. Имея землю, вдававшуюся углом в море и остров Фембру, они сами собой приучились к морской жизни, так что современники называли их страну морской областью славян. С другой стороны, их положение впереди всех славянских народов, среди врагов, саксов и датчан, развивая в них любовь к бранной жизни, отнимало возможность мирного, торгового судоходства, которое у других балтийских славян имело великое значение. Таким образом, главным занятием вагров стала война на море с датчанами, как на суше с немцами, главным их промыслом – морские разбои.

Вот как описывает вечную эту войну историк Гельмольд (картина нарисована в XII в., но идет и к древнейшему времени): «Дания, состоя по большей части из островов и окруженная водами, не легко может уберечься от нападений морских разбойников, потому что в изгибах ее берегов необыкновенно удобно скрываться Славянам; выходя тайком из засады, они наносят ей внезапные удары. Вообще же, Славяне на войне преуспевают наиболее своими засадами. И оттого даже в недавнее время разбойническая жизнь между ними так усилилась, что, пренебрегая всеми выгодами хлебо-

пашества, они вечно были готовы к морским походам и наездам, надеясь на свои корабли, как на единственное средство к обогащению. Они не заботятся о постройке своих домов, а обыкновенно сплетают свои избушки из хвороста, лишь бы укрыться от дождя и непогоды. Едва раздастся клик военной тревоги, они поскорее заберут весь хлеб, спрячут его с золотом, серебром и всеми дорогими вещами в ямы, уведут жен и детей в надежные убежища, в укрепления, а не то в леса, и не останется на расхищение неприятелю ничего, кроме одних изб, о которых они не жалеют нимало. На нападения Датчан они не обращают внимания, и даже считают особенным наслаждением с ними биться».

Таковы были вагры. Но и другие племена балтийских славян немного уступали им отвагой на море, хотя, имея больше простора и менее теснимые враждебными соседями, не предавались морскому разбою как главному промыслу. После вагров, ране были, между славянами, первые морские ви-тязи. Адам Бременский ставит их, по жестокости, наравне с фемборскими ваграми: «Оба эти острова (Фембра и Рана), пишет он, наполнены пиратами и кровавыми разбойниками, не дающими никому ни проезда, ни пощады. Пленных, которых другие продают, они убивают». Бодричи и лютичи также были славные мореходцы; в особенности лютичи любили дальние плавания; не раз ходили они в Англию, уже в самое древнее время, в VIII столетии, и еще в XI они однажды снарядили корабли и поплыли туда воевать. Они, подоб-

но ранам, славились морскими разбоями; но вообще можно сказать, что все эти славянские витязи, более или менее, щадили своих и грабили по преимуществу немцев и датчан: однажды (в X в.) бодричи стали опустошать церковные имения в своей земле и на жалобы епископа отвечали: «Это, должно быть, делается разбойниками, которые приходят от ран и велетов (лютичей) и, может быть, даже своих не щадят». Последние слова показывают, что обыкновенно они щадили их. Но зато Дании сильно доставалось от лютичей: им легко было, спустившись по р. Пене в море, бросаться на датские берега, так что, при договорах с поморянами, датчане именно требовали от жителей Волегоща, крепости, закрывавшей устье Пены, чтобы они не пропускали к ним разбойников. Наконец, и сами поморяне, из всех балтийских славян наиболее отдаленные от германцев и миролюбивые, постоянно высылали корабли и смелых людей грабить окрестные берега, в особенности датские, и между ними и датчанами не прекращалась, даже в XII в., малая морская война: поморские жители беспрестанно нападали на Данию, датские – на Поморье. И, стало быть, оправдывается общий приговор Гельмольда, который, исчислив все племена и ветви балтийских славян, заключает о них так: «все это народ, преданный служению идолам, всегда буйный и беспокойный, ищущий добычи в морском разбое, вечный враг датчанам и саксам».

Глава XIX

Влияние постоянной борьбы с соседями на характер балтийских славян. – Их воинственность и храбрость

Этот бесконечный бой с немцами и датчанами, который выпал на долю балтийским славянам, не мог с самого начала не подействовать глубоко на их нравы и не придать их славянской природе особенного оттенка; преимущественно же это влияние запечатлелось на тех ветвях, которые, по соседству, более других терпели: на суше от немцев, на море от датчан, а именно на ваграх, бодричах, лютичах и ранах; менее, кажется, подверглись ему стодоряне, которых Лаба отделяла от Германской земли, и поморяне, которые жили далее на восток.

Всегда бывает особенно трудно обрисовать общими чертами характер того бесчисленного множества лиц, имеющих свою особенность, из которой составляется народ; но еще труднее становится определить характер народа угасшего, когда он себя не высказал в памятниках мысли и слова, и когда все, что о нем известно, хранится в скудных показаниях его же врагов и губителей. А по таким только показаниям мы

и судим о балтийских славянах. По ним с трудом только и отрывочно, можно составить себе кое-какую картину их народного характера, и то более его наружных свойств, нежели внутренней сущности.

После всего того, что было сказано о враждебном положении балтийских славян между соседними народами, не может быть сомнения, что главной чертой в их характере была воинственность. Действительно, все писавшие о них иностранцы представляют их народом самым воинственным и храбрым, нередко изображая их свирепыми и лютыми. В этом отношении все, и свои, и чужие, отдавали первенство и преимущество лютичам (велетам). Все балтийские славяне признавали их между собой сильнейшим племенем; своим мужеством они были известны чехам и полякам. В IX в. Эйнгард пишет: «На южном берегу Балтийского моря живут Славяне и Эсты (т. е. пруссы, литва) и разные другие народы, и между ними первое место принадлежит Велетам». Постоянно называют их немецкие летописцы храбрыми, жестокими, лютыми; слава о них достигала дальних стран. В XI в. англичанин упоминает о них, как о народе самом воинственном на суше и на море, а итальянец говорит, что они из всех народов в Германии самый жестокий, «свирепее всякой свирепости». И долго после их истребления, предание о лютичах, как о злых людоедах и народе свирепейшем, жило в немецких сказках и пугало воображение людей.

Другие балтийские славяне, впрочем, немного, кажется,

уступали лютичам в воинской доблести, как и в жестокости. Земля Вагрская, по приведенному уже свидетельству Гельмольда, была в старину населена народом храбрейшим, воспитанным в борьбе с саксами и датчанами. Бодричи в своем четырехвековом споре с Германией и Данией показали себя не хуже вагров. Ран называют народом жестоким и кровавым. Наконец, поморяне, по словам немецкого писателя, были люди «опытные в войне на суше и на море, привыкшие жить грабежом и добычею, неукротимые по врожденной свирепости». Почти теми же словами описывал Гельмольд всех вообще балтийских славян, но в особенности, разумеется, вагров и бодричей, с которыми он был наиболее знаком. «Славянам, – говорит он, – была врождена свирепость, ненасытная, неукротимая, которая наносила гибель окрестным народам, на суше и на море».

Вот какое действие могут иметь на народ обстоятельства! Славянское племя, вообще такое миролюбивое и кроткое, занесенное на Балтийское поморье, между враждебных ему, воинственных немцев и датчан, стало само чуть ли не воинственнее и свирепее своих противников.

Глава XX

Выносливость и упорство в характере балтийских славян. – Их честность

Привившись к славянскому характеру, который терпелив и вынослив, этот воинственный образ жизни балтийских славян придал им, кажется, нечто из тех свойств, которые и на наших глазах получают старые воины, ходившие с оружием по разным землям, повидавшие всяких бед и опасностей. То были люди крепкие, упорные, честные. В отношении к телу, славянская выносливость усилилась в них до высшей степени. Саксы, которые между всеми германскими племенами признавались самыми крепкими и храбрыми, и те дивились балтийским славянам. Вот слова саксонского монаха X в., который писал историю своей родины: «Эти Славяне народ крепкий и выносливый на труд, привыкший к самому скудному образу жизни, и что нашим приходится в тягость, то Славянам кажется еще роскошью». Простота славянского быта у немцев даже вошла в поговорку, хотя жизнь, которую вели в средние века сами немцы, была как нельзя более проста.

Как люди, натерпевшиеся на своем веку всяких лишений и бед и закалившиеся в борьбе, делаются склонны к упорству, так и балтийские славяне; едва ли был на свете народ

упорнее. Изю всех народов Европы они одни положили свою жизнь за старину свою, за свой старый языческий быт: упорная защита старины, вот первое свойство всех этих передовых племен славянских, вагров, бодричей, лютичей, возросших в бою с германцами. Правда, в непреклонном упорстве балтийских славян, которое их и погубило, много виновна, даже виновнее их самих, была, как покажет явно эта история, корыстолюбивая исключительность враждебных им соседей; но и природный их характер был ему не последней причиной, и не раз случалось, что просвещенная ревность их брата-славянина предлагала им отказаться от языческой старины свободной волей и вступить в семью европейских народов, а они упорствовали в старине и убивали своего благодетеля.

Крепкие, закаленные бойцы, балтийские славяне отличались честностью и верностью. Немецкие летописцы часто, правда, жалуется на то, что, принужденные неудачей на войне обещать покорность немцам, они при первом удобном случае переступали свою клятву, и за это называют их вероломными и непостоянными; но, по тогдашним понятиям, возобновить войну с неприятелем, которому поддались на время после какого-нибудь поражения, не считалось бесчестным, и сами немцы не раз, собравшись с силами, нарушали мир, который прежде должны были просить у славян, и не видели в том позора. Но те же самые немцы, которые укоряют балтийских славян в несоблюдении политиче-

ских договоров, громко свидетельствуют, несмотря на взаимную вражду, о превосходной их честности, даже во время крайнего их упадка. Особенно замечателен рассказ одного монаха, жившего в конце XII в. (когда вагры начинали уже совершенно исчезать) о каком-то славянине из племени вагров, Трибуте Бакаровиче с пятью сыновьями, который, провинившись в разбое и боясь смертной казни, скрылся и стал грабить страну, и даже ограбил монастырь, где жил повествователь (так называемый Новый Монастырь в земле Вагрской): тамошний поселянин Годескалк, сын Дазонов, уже прежде, чтобы оградить себя, заключил с ним дружеское условие, и те славяне-разбойники, так говорит пострадавший от них монах, все время хранили это условие верно, как обычно славянам. Не менее выразителен рассказ другого писателя о честности славян поморских: «Честность и общительность между ними такова, что они, почти не зная, что такое кража и обман, не запирают своих сундуков и ящиков. Не видать у них нигде замка или ключа, и они весьма удивились, что выючные ящики и сундуки епископа (Оттона Бамбергского, который к ним приехал) запирались на замок. Платье, деньги и всякие драгоценности они прячут в короба и сундуки, просто прикрывая их крышкою, и не боятся воровства, потому что его не испытывали».

Замечательно, что при этой честности и верности, балтийские славяне не любили произносить клятвы; только договоры с другими народами они утверждали (впрочем, всегда

напрасно) под присягой, следуя в этих случаях, без сомнения, иностранному обычаю. Вообще же они допускали клятву чрезвычайно редко и неохотно, считая ее для богов не менее оскорбительной, чем самое клятвопреступление. В особенности, кажется, боялись они клясться своими главными божествами, и если клялись, то не богами, а священными источниками, камнями и деревьями.

Глава XXI

Крепость семейного союза

С верностью данному слову и честностью соединялась крепость супружеского союза и семейного быта. Вот свидетельство древнее (VIII в.) и непреложное знаменитого Бонифация, великого крестителя Германии; слышен в нем голос, преданный немцам, но и этот голос должен был отдать справедливость славянской верности: «Винеды (т. е. славяне), так пишет Бонифаций, народ мерзейший и самый дурной, хранят, однако же, с такою верностью в супружеском союзе взаимную любовь, что жена, по смерти мужа, сама отрекается от жизни, и та считается между ними славною, которая своею рукою убьет себя, чтобы сгореть с мужем на одном костре».

Правда, в позднейшее время этот обычай исчез, по крайней мере, не упоминается, и у славян допускалось даже многоженство, но они всегда признавали только одну жену законной и, по всему видно, более допускали многоженство *de jure*, нежели пользовались им *de facto*. Достоверные примеры многоженства у них чрезвычайно редки, и то встречаются только между поморянами: поморский князь Вратислав (в начале XII в.) держал несколько жен, и при этом случае повествователь говорит, что многие другие поморяне делали так же: но почти всегда в доме у балтийского славянина, не только бедного, но и самого знатного и богатого, даже у

первых людей на Поморье во время Вратиславова княжения, является одна жена, с высоким значением в семье и в обществе. Она ведет хозяйство, принимает гостей, воспитывает детей, вдовой по смерти мужа управляет всем домом, имением и челядью, вообще супруга балтийского славянина была не раба, а равноправная мужу госпожа в доме. В противоположность многоженству Вратислава можно привести в пример сильного князя бодричей Крука, родом из Раны (в XI в.): у него, первого между славянами ревнителя их старины и языческого быта, могущественного государя всех почти балтийских племен, была одна жена, которую немецкий летописец, как бы из уважения, называет госпожой Славиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.